

«Высочайшая милость» вне «надлежащего порядка» в первые годы правления императора Александра II

Юлия Сафронова

«Imperial mercy» beyond the limits of «established order» in the beginning of Alexander's II reign

Julia Safronova (European University at Saint Petersburg, Russia)

Самодержавное государство, как бы ни были несовершенны его законы, неповоротлива бюрократическая машина, слаба социальная защита, всегда дарило подданным некоторое утешение – возможность обращения к монарху, находящемуся на почти недостижимой высоте и в то же время символически доступному для каждого, даже для последнего из них. Речь в данном случае идёт не о «наивном монархизме», заставлявшем крестьянские общества посылать ходоков к «белому царю», а о соблюдении справедливости и милосердия, которые считались одной из обязанностей самодержца.

Бюрократически идея высшей царской справедливости, к которой может взывать любой, воплощалась в Комиссии прошений, на Высочайшее имя приносимых. Основная сфера её деятельности была унаследована ещё от конторы генерал-рекетмейстера Сената, принимавшей жалобы на имя царя на «все места средние и подчиненные», на решения департаментов и общих собраний Сената¹. Кроме жалоб на неправильные действия судебных мест и начальствующих лиц, в Комиссию можно было подавать прошения о «каких-либо наградах или милостях»². Но в основном она играла роль высшей апелляционной инстанции, а в 1847 г. Николай I запретил подавать прошения о вспомоществованиях «под какими бы то ни было именованиями»³.

Но просители старались найти другие пути. Личные аудиенции император давал лишь в исключительных случаях, тем не менее доступ к нему у подданных был. Жители провинций могли подавать прошения во время высочайших вояжей, а в столице к монарху можно было обратиться во время его прогулки. Однако такое личное обращение воспринималось как нарушение существующего порядка дел, поступок «слишком смелый» и даже граничащий с «безумием»⁴.

Между этими двумя крайностями, медлительной Комиссией, которая могла счесть дело до себя не относящимся, и личным обращением к государю, существовал ещё срединный путь – обращение к министру императорского двора. В первые годы правления Александра II этот пост занимал гр. В.Ф. Адлерберг – друг детства Николая I, один из наиболее близких к нему людей, после воцарения Александра II не только сохранивший своё положение, но и пользовавшийся исключительно уважительным отношением императора. Расчёт просителей строился именно на этой личной близости: они полагали, что министр Двора в любой момент, чуть ли не за

© 2016 г. Ю.А. Сафронова

¹ Ремнёв Л.В. Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. Омск, 1999. С. 17.

² ПСЗ-П. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1856. № 7771.

³ РГИА, ф. 472, оп. 35 (148/985), д. 4а, л. 168.

⁴ Зарина Е.И. Черта из жизни императора Александра II // Исторический вестник. 1885. Т. 19. № 3. С. 573–581; С. В-ий. Ещё черта из жизни императора Александра II // Исторический вестник. 1885. Т. 20. № 5. С. 438–441.

чашкой чая, может передать монарху прошение, которое в противном случае будет годами пылиться в недрах канцелярии. Такое представление было во многом наивно. Чтобы дать делу ход, нужна была бумага (просителей, попавших к нему на приём, министр просил еще раз изложить своё дело — письменно), а там, где появлялась бумага, возникал «надлежащий порядок» движения дел, ограничивавший министра двора в том, с какими именно вопросами он может «входить с докладом».

Разумеется, Адлерберг мог пренебречь бюрократической процедурой, но такая вольность, как и личное расположение государя, была ресурсом, которым он пользовался с большой осторожностью. На многих сохранившихся в архиве прошениях стоят негативные резолюции: от безличных «до министра не относится» до «не могу принимать подобные просьбы». Тем не менее исключений из правил было довольно много, а ежегодное увеличение количества прошений, подаваемых через министра Двора, свидетельствует об успехе такого пути поиска «Высочайшей милости». По моим подсчётам, если с августа по декабрь в 1856 г. министру было подано только 83 ходатайства, то за тот же период 1860 г. уже 164, а всего за год — 378.

Поводом для обращения к императору через министра могли быть и наступающее Рождество Христово, и близящаяся коронация, но, как правило, просители формулировали и более убедительные причины претендовать на «Высочайшую милость». Одной из них была какая-либо «личная связь» — хотя бы косвенная и мимолетная — с монархом. Государь платил также по «счетам» предшественника и наследника. Так, за помощью обращались придворные служители и их родственники — от племянниц покойной фрейлины Рославлевой до «сынка бывшего Михайловского замка кастеляна», отставленные за пьянство лакеи, выросшие и потерявшие голос мальчики из придворной капеллы⁵; крестники его отца, дяди и бабушки, императрицы Марии Федоровны; бывшие и настоящие воспитанники различных заведений; пенсионеры августейших особ. Он выплачивал пособия не только учителю танцев наследника Николая Александровича, вдове доктора вел. кн. Константина Павловича, но даже камердинеру покойного В.А. Жуковского⁶.

Были и куда более краткие встречи монарха с подданными, порождавшие, казалось бы, эфемерные обязательства, за которыми, однако, неизменно следовала помощь. В 1857 г. к Александру II обратился архитектор Орасино, заявив, что в 1829 г. был представлен ему, тогда ещё наследнику, и что Высочайшая особа «для развлечения времени изволил забавляться со мною прогулкой и игрою в пилку». Почти через 30 лет проситель напомнил государю о «долге», сделанном одиннадцатилетним мальчиком: «Я имел невыразимое счастье в продолжение двух часов подавать Вашему императорскому величеству мячик»⁷.

Обращаясь к монарху за денежными пособиями, просители предполагали, что щедрость его безгранична, а кошелёк — неисчерпаем. Такое фантастическое представление объяснялось их весьма смутными понятиями о расходах на личные нужды императора. Конечно, теоретически он мог потребовать из государственной казны любую сумму, но традиционно это «считалось недопустимым, неприличным», а увеличения отпусков из бюджета по данной статье «избегали до последней возможности»⁸. Всеми финансовыми потоками Министерства императорского двора управлял Кабинет его императорского величества, в кассе которого сосредоточивалась сумма, выделенная на содержание членов императорской фамилии и Двора⁹.

⁵ РГИА, ф. 472, оп. 35 (148/985), д. 4а-б, л. 90, 396, 475; и др.

⁶ Там же, л. 127; оп. 35 (145/982), д. 1а, л. 67; оп. 35 (147/984), д. 2а, л. 51.

⁷ Там же, оп. 35 (145/982), д. 16, л. 169.

⁸ *Кривенко В.С.* Министерство двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 161.

⁹ Подробно см.: *Зимин И.И.* Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. М., 2011.

У императора также был личный «кошелёк», так называемая комнатная сумма, для оплаты расходов на гардероб, парикмахера и т.п., а также покупки подарков. Из неё же Александр II регулярно платил денежные пособия. Как правило, речь шла о небольших суммах, от 15 до 50 руб., выдававшихся постоянным просителям в невысоких чинах. Типичным можно назвать случай вдовы поручика Александры Протасовой, попавшей в 1860 г. в дом неисправных должников и умолявшей вытащить её из «этого ада и каземата». Из комнатной суммы она получала с 1854 г. от 10 до 25 р. 8 раз¹⁰. Такие пособия не имели характера постоянной негласной пенсии, а давались в ответ на поданные просьбы и в основном носили характер личной благотворительности государя. В.Ф. Адлерберг при этом мог и не довести прошение до царя, полагая, что тот или иной проситель беспокоил монарха слишком недавно, или же объявить, «чтобы впредь не просил так часто»¹¹.

Реже из комнатной суммы платились пособия в 200–300 руб. Получали их в основном вдовы военных в высоких чинах. Существовала практика превращения таких выплат из подаяния в форму монаршей благодарности. Просительницы подносили государю подарки ручной работы (вышитые кресла, подушки, экраны для каминов и даже тапки) или свои сочинения к праздникам и получали за это ответный дар деньгами¹². Небольшие суммы платились также из других «кошельков» государя, оказывавшихся в тот или иной момент «под рукой»: из вояжных денег во время или после поездок, если что-то оставалось неистраченным, а также из средств военно-походной канцелярии. По мелким просьбам Адлерберг мог принять решение без доклада царю; иногда он даже жертвовал просителям собственные деньги¹³.

Суммы от 300 до нескольких тысяч руб. выплачивались из Кабинета, т.е. из денег, предназначавшихся не лично императору, а на содержание Двора в целом. В некоторых случаях одним и тем же просителям одновременно платили от 25 до 100 руб. из комнатной суммы и от 500 до 1 тыс. руб. из Кабинета¹⁴. Из Кабинета же платились негласные постоянные пенсии в тех случаях, когда император хотел поддержать человека, по каким-то причинам не выслужившего полного пенсионера или не имевшего других доходов.

Не стоит думать, что Александр II в роли «подателя милости» был безотказен. Нередко канцелярия сообщала просителю, что на удовлетворение просьбы «Высочайшего изволения не последовало»¹⁵. Порой решение за монарха фактически принимала канцелярия. Так, в 1859 г. Александр II, впечатлённый историей отставного полковника Палибина, оставил на прошении указание: «Сообразить, что можно сделать». IV отделение Собственной его императорского величества канцелярии подготовило для монарха справку, содержание которой сводилось к тому, что по существующим законам ничего сделать нельзя. Статс-секретарь А.Л. Юфман даже предостерёг государя от личного вмешательства, поскольку оно способно «затруднить» обычное течение дел. Императору оставалось лишь распорядиться «поступить по закону»¹⁶.

¹⁰ РГИА, ф. 427, оп. 35 (148/985), д. 46, л. 309.

¹¹ Там же, л. 450; оп. 35 (147/984), д. 2а, л. 127.

¹² Там же, л. 67; ф. 472, оп. 16 (275/1292), д. 3.

¹³ Там же, оп. 35 (144/981), д. 36, л. 288. В этом прошении говорилось о бедственном положении бывшего попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Д.П. Рунича, который в 78 лет, разбитый параличом, впал в нищету, поскольку назначенное ему пособие получала жена. Министр послал от себя 300 руб.

¹⁴ Там же, оп. 35 (147/984), д. 2а, л. 409.

¹⁵ Там же, оп. 35 (148/985), д. 46, л. 140.

¹⁶ Там же, д. 2а, л. 218.

Среди просителей на Высочайшее имя существовала особая группа людей, формально ещё не дошедших до «крайности» и бывших владельцами порой очень дорогостоящей собственности. Речь идёт о дворянах-землевладельцах, хлопотавших о спасении своих заложенных в Опекунские советы имений. В юнце 1850-х гг. наследственные и приобретённые земли шли с молотка тем неизбежнее, чем сильнее становилась уверенность в скором освобождении заложенных крепостных душ. Ситуация усугубилась в апреле 1859 г., в разгар банковского кризиса, когда под предлогом близящейся крестьянской реформы выдача из казны ссуд под населенные имения вообще была прекращена. Также было запрещено вносить изменения в сроки выплат существующих долгов¹⁷.

Неисправные должники опекунских советов, взывавшие к Высочайшей милости, по-разному мотивировали своё право обращаться лично к монарху. Например, помещица А.А. Нелидова просила помощи «за службу отца», капитан-лейтенанта А.Н. Нелидова, который в 1790 г., «бывши командиром судна под стенами крепости Измаил, взорван был на воздух с судном»¹⁸. Заодно она подчёркивала свой статус выпускницы Смольного института, воспитанной при императрице Марии Фёдоровне, что также давало право на монаршую милость. Её крохотное имение в 32 души было заложено в 1853 г. за 1 920 руб. на 37 лет. Просительница ежегодно обращалась за пособием в 116–117 руб. на уплату процентов опекунскому совету и время от времени получала от 50 до 100 руб. вспомоществования¹⁹, так что фактически проценты по её займу платил государь. Ещё больше «прав» обращаться к Александру II было у дочери отставного генерал-майора Л.М. Барановского Екатерины, крестницы императора. В прошении она подчёркивала свой особый статус просительницы, наделённой «высоким достоинством крестницы Вашей»²⁰.

Разумеется, появление задолженности объяснялось самыми благовидными причинами. Отставной гвардии полковник А.И. Палибин, у которого к 1859 г. накопилось с заложенного за 43 130 руб. имения долга в 12 775 руб. 95 коп., утверждал, что накопление недоимки и процентов произошло от градобитий, четырёх неурожаев, «бедствий, причинённых последнею войной», когда он «по чувству верноподданного обязан был нести всё, что смог». В удостоверение этого им было представлено свидетельство местных властей²¹. Ещё более впечатляющие аргументы представлены в письме Екатерины Барановской. Она сообщала, что её семья задолжала Санкт-петербургскому опекунскому совету 36 480 руб. 92½ коп. (это превышало стоимость имения, заложенного за 24 549 руб. 30 коп.) вследствие «беспрерывных неурожаев и падежа скота», продолжавшихся в Велижском уезде Витебской губ. более 10 лет (!). Всё это время родители, писала она, «даже отказывая нам, детям своим, в необходимых потребностях», пытались спасти своих крепостных, «продовольствовать их многие года и давать хлеба для обсеменения полей, лишь бы охранить их от голода, болезней и бродяжничества»²². Ещё один проситель, А.А. Рюмин, не преминул подчеркнуть, что все его неприятности косвенно связаны со службой Отечеству: описание бедствий начинается фразой «возвратившись из-под Севастополя»²³.

¹⁷ См.: Хок С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Д. Бушнелла. М., 1992. С. 95; Долбилов М.Д. Проекты выкупной операции 1857–1861 гг.: к оценке творчества реформаторской команды // Отечественная история. 2000. № 2. С. 15–36.

¹⁸ РГИА, ф. 427, оп. 35 (147/945), л. 112.

¹⁹ Там же, л. 114.

²⁰ Там же, л. 117–118.

²¹ Там же, д. 2а, л. 131–132.

²² Там же, л. 117–118.

²³ Там же, д. 2б, л. 96 об.–97.

Уже из приведенных примеров становится ясно, что в случае заложенных имений маленькие суммы, как у А.А. Нелидовой, были скорее исключением. Впрочем, помещики и не рассчитывали, что император заплатит за них напрямую. Речь шла об отсрочке платежа, приостановлении аукционной продажи, «реструктуризации» долга или дополнительном займе. Так, К.П. Клейнмихель, супруга генерал-адъютанта П.А. Клейнмихеля, получила дополнительную ссуду в 100 тыс. руб. сроком на 15 лет под обеспечение уже заложенными в опекунском совете именными из резервного капитала Заемного банка²⁴. Впрочем, помещики, не умевшие расплатиться с опекунскими советами, впоследствии не возвращали свой долг и государю.

Поскольку порой дело касалось действительно больших сумм, Александр II приказывал передать подобные просьбы для доклада через министра финансов или запрашивал справки в Ведомстве императрицы Марии, к которому относились опекунские советы. Сам император склонен был поддерживать помещиков. Так, в 1857 г. штаб-ротмистр гвардии гусарского полка Качановский добился сложения накопившихся процентов за просрочку по ссуде, а уплата самого долга в 8 665 руб. 5 коп. была рассрочена ещё на 12 лет²⁵. Министерство финансов и IV Отделение чаще находили поводы отказать просителям²⁶. Опекунский совет также просил государя не приостанавливать своей волей продажу имений за долги, поскольку удовлетворение подобных просьб могло «затруднить сохранную казну в возмещении раздаваемых ею в ссуду капиталов»²⁷.

Все описанные выше обстоятельства, принципы, учреждения и действующие лица в полной мере проявились в истории одного из самых известных жестов «Высочайшего милосердия» Александра II – помощи разоряющимся полтавским помещикам князьям Долгоруковым. Именно он считается точкой отсчёта знаменитого романа императора с княжной Екатериной Долгоруковой. Этот случай, однако, интересен не столько своими последствиями, сколько теми извилистыми путями, которыми вынуждено было продвигаться милосердие российского самодержца через неповоротливый бюрократический аппарат, государственные законы и, главное, из опасения подать повод другим просителям из числа разоряющихся дворянских семейств обращаться с подобными же просьбами, ссылаясь на прецедент.

Судьбоносный визит Александра II 20–21 сентября 1859 г. в имение Тепловка, расположенное в Полтавской губернии, вопреки мнению биографов, был не отправной точкой для милосердия монарха, тронутого бедами гостеприимных хозяев²⁸, а скорее кульминацией усилий княгини Веры Гавриловны Долгоруковой, пытавшейся поправить пошатнувшиеся семейные дела. Император вмешался в дела Долгоруковых гораздо раньше.

Уже в конце 1856 г. хлопоты о делах семейства в разных официальных инстанциях вели весьма высокопоставленные попечители. Собственно делами занимался близкий родственник семьи, действительный тайный советник сенатор И.С. Горголи, женатый на родной тётке М.М. Долгорукова. Фигуры двух других попечителей свидетельствуют о личной заинтересованности монарха: это управляющий канцелярией военного министерства М.М. Брискорн и друг детства Александра II генерал-адъютант А.В. Адлерберг, сын министра императорского двора. Эти два имени, в особенности второе, значили очень много. Вера Гавриловна подчёрки-

²⁴ Там же, д. 1а, л. 274.

²⁵ Там же, оп. 35 (145/982), д. 1а, л. 58.

²⁶ Там же, л. 203.

²⁷ Там же, л. 219.

²⁸ *Tarsaidze A. Katia: Wife Before God. L., 1970. P. 88; Палеолог М. Александр II и Екатерина Юрьевская // Княгиня Юрьевская (под псевдонимом Виктор Лаферте). Александр II. Известные подробности личной жизни и смерти. М., 2004. С. 11.*

вала в письме министру государственных имуществ 31 января 1857 г., что «граф Алекс. Адлерберг имеет личный интерес» в её деле²⁹. К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, когда именно и, главное, в связи с чем Александр II стал проявлять интерес к семье отставного штаб-ротмистра М.М. Долгорукова. Самый ранний из дошедших документов датирован ноябрём 1856 г.

Тепловка была большим имением в 11 088 десятин (12 114 га) земли и населением 1 625 душ мужского пола, стоимость которого составляла до 500 тыс. руб., а доходы — до 39 тыс. руб. в год. В 1844 г имение было заложено Московскому опекунскому совету по четырём займам на общую сумму 77 150 руб. серебром. В марте 1849 г. был взят пятый займ в 11 480 руб. под залог 1 479 ревизских душ. Недоимки по займам стали копиться с 1853 г., составив к 1856 г. 15 473 руб. 95 юп. (общий долг к концу года составил 92 635 руб. 80 юп.). Кроме того, в 1856 г. за Долгоруковыми числилась казённая недоимка, а также долги частным кредиторам. Основной причиной сложившейся ситуации князя Долгоруковы, как и другие дворяне, называли «усиленные поборы рекрут и ратников бывшего государственного ополчения», подчёркивая тем самым, что «прежнее сего имения цветущее положение» было расстроено нуждами империи во время Крымской войны, а не действиями самих хозяев³⁰.

К концу 1856 г. у попечителей был готов план спасения Тепловки: они подали прошение императору о перезалоге имения. По существовавшим установлениям размер ссуды за населённые имения рассчитывался исходя из количества земли на одну крестьянскую душу и класса губернии, где имение находилось. В Тепловке на ревизскую душу приходилось примерно 6.5 десятин земли, что давало при перезалоге по 50 руб. за душу, т.е. всего 81 250 руб. Для полной уплаты долга в этом случае по-прежнему не хватало бы более 11 тыс. руб. Опекуны, ссылаясь на пример соседнего имения княгини Репниной, просили дозволения перезаложить имение в Санкт-Петербургском опекунском совете по 75 руб. за душу, что было возможно для первоклассных губерний, к которым Полтавская не относилась. Они указывали на «хлебородность местности», расположенные на территории имения хозяйственные заведения и «достоинство его в торговом отношении». Ссуда, выданная на экстраординарных условиях, позволила бы полностью погасить долг Московскому опекунскому совету и вернуть имению «цветущее состояние»³¹.

Александр II отправил прошение попечителей на повторный доклад через министра финансов А.М. Княжевича. Министерство финансов, в свою очередь, связалось с Ведомством императрицы Марии, которое представило категорический ответ Санкт-Петербургского опекунского совета: подобная милость послужит дурным примером для других должников, а перезалог имения Репниных был дозволен «отнюдь не в пример другим». В феврале 1857 г. государь утвердил это мнение опекунского совета³². Вере Гавриловне, лично ездившей в Петербург в январе 1857 г., пришлось вернуться в имение изыскивать другой способ поправить положение.

Вмешательство императора, однако, остановило запущенный Московским опекунским советом процесс «запрещения» имения и последующей продажи с аукциона. Видимо, действия попечителей на какое-то время стабилизировали положение Долгоруковых, что позволило им не только отправить сына Сергея в 1858 г. в Александровский лицей, плата за обучение в котором составляла 600 руб. в год, но и подготовить сцену для судьбоносной встречи: посещения государем Тепловки.

²⁹ РГИА, ф. 759, оп. 31, д. 1396, л. 8.

³⁰ Там же, л. 2–5.

³¹ Там же, л. 3.

³² Там же, л. 9.

Хотя в октябре 1862 г. княгиня утверждала, что она никогда не позволяла себе упоминать и тем более жалеть о расходах на постой царственного гостя, в письмах шефу жандармов В.А. Долгорукову она дважды называла сумму, потраченную на царский визит – 12 тыс. руб. После таких «вложений» от императора ожидали по меньшей мере равноценной милости, хотя в проекте письма, которое Вера Гавриловна предлагала подать на Высочайшее имя, меркантильные расчеты не педалировались: «Несмотря на все несчастья, княгиня не может даже думать о безоговорочной нищете, поддерживаемая счастливыми воспоминаниями о пребывании его величества в Тепловке: увидеть у себя величие натуры императора и потом погибать в отвержении – это невозможно!»³³.

Вмешательство императора в дела разоряющегося тепловского семейства в 1856 г. и визит в 1859 г. отсрочили процесс «оскудения», но не могли остановить его, тем более что близилось время радикальных перемен в жизни всего дворянского сословия. Неизвестно, как пережили князья Долгоруковы освобождение крестьян. В череде несчастий, которые княгиня описала в проекте прошения на Высочайшее имя в 1862 г., крестьянская реформа не упоминалась. Главным врагом Тепловки оказалась природа: через два месяца после царского визита сгорел дотла господский дом, через год последовала засуха, «затем вдобавок ещё ужасный год и, наконец, саранча!» В этот ряд стихийных бедствий вписано пребывание дивизии кавалерии на постое. Неизвестно, где после пожара разместились сами владельцы Тепловки. Вера Гавриловна утверждала, что она провела эти несколько лет в имении, пытаясь спасти семью, и «пожертвовала всем до самого маленького украшения»³⁴.

Поскольку операция с перезалогом, на которую рассчитывали опекуны в 1857 г., не удалась, а с 1859 г. вовсе стала невозможной, частные кредиторы усилили нажим на должников. Сложилась патовая ситуация: из-за вступившего в силу «запрещения» имения Долгоруковы не могли продать часть собственности, чтобы рассчитаться с долгами, но при этом всячески противились продаже Тепловки с торгов, хотя угроза такого развития событий всё время имела место. Не изменила ситуацию и реформа 1861 г.: хотя долги казне были погашены из выкупных платежей, запрещение не было снято. В 1862 г. В.Г. Долгорукова добивалась его отмены, упирая на принцип «дважды за одно не наказывают»³⁵.

Нет сведений, насколько велик был долг Долгоруковых частным кредиторам. В письмах Веры Гавриловны в качестве главного злопыхателя фигурирует кн. А.А. Суворов, из-за распоряжений которого невозможно снять запрещение и который возмущался расходами несостоятельных должников на Высочайший визит. В декабре 1862 г. княгиня даже жаловалась, что по возвращении из Петербурга, где она в который раз хлопотала о судьбе имения, её ожидало анонимное письмо с угрозами³⁶.

Весной 1861 г. в Петербурге Вера Гавриловна успешно хлопотала о вспомоществовании: в мае император распорядился выдать княгине в негласное пособие 500 руб. из государственного казначейства, которые она получила по частям через шефа жандармов генерал-адъютанта кн. В.А. Долгорукова³⁷. Осенью 1862 г. Долгоруковы опять впали в «крайность». Вера Гавриловна живописала своё положение после нескольких месяцев жизни в Петербурге в ожидании монаршей милости чрезвычайно эмоционально: «Нет больше ни поэзии, ни иллюзий..., есть ужас небытия, пустоты, ничего!». В доказательство тому, что она действительно

³³ Там же, л. 13–14 об.

³⁴ ГА РФ, ф. 109, оп. 91, 1861, 2 экспедиция, д. 306, л. 14.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, л. 37 об.

³⁷ Там же, л. 3.

заслуживает помощи, княгиня была готова предъявить шефу жандармов билет из ломбарда, куда она сделала заклад на три дня за 30 руб. Далее она прибавляла: «не имею ничего ни чтобы продать, ни чтобы заложить»³⁸. Выход из ситуации ей виделся только один: «кинуться к ногам его величества». Добиться свидания с государем княгине не удалось, однако её настойчивость имела успех.

Вся переписка о «всемилоостивейшем пособии княгине Вере Гавриловне Долгоруковой», сшитая в отдельное дело, хранилась в III Отделении, а на одном из писем княгини шеф жандармов собственноручно сделал помету: «Хранить в совершенной тайне, т.е. никому решительно не должно сделаться известным»³⁹. Поскольку дело происходило в 1862 г., ни о каких «особых обстоятельствах» речи ещё не было (роман императора начался лишь несколько лет спустя). Секрет следовало хранить от других разоряющихся семейств, а заодно от всех займодавцев. В 1862–1863 гг. при одобрении и поддержке императора через III Отделение осуществлялась хитрая финансовая операция, смысл которой состоял в нарушении действующих государственных установлений и сокрытии имущества Долгоруковой от кредиторов.

Вера Гавриловна просила у монарха 25 тыс. руб. в виде «пожертвования» либо в кредит на 30 или 37 лет для покупки имения в Полтавской губ., чтобы поселиться там с дочерьми, когда те закончат Смольный. Очевидно, речь шла о каком-то конкретном имении рядом с Тепловкой, поскольку описания вожденного «клочка земли» слишком конкретны. Оно должно приносить владельцам тысячу рублей годового дохода, его расположение благотворно для здоровья, его уже торгуют другие, однако княгиня не хотела раньше времени «разглашать покупку» даже В.А. Долгорукову. Возможность купить столь «дёшево» такое доходное имение Вера Гавриловна объясняла ситуацией, сложившейся после крестьянской реформы. Заложить или перезаложить свой дом владельцы не имели возможности, а потребность в деньгах сохранялась, поэтому 25 тыс. руб. способны спасти людей от «полного краха»⁴⁰.

Очевидно, такие притязания шеф жандармов счёл завышенными. Его аргументы известны в пересказе самой княгини, писавшей ему после личной встречи: «Вы мне говорите, что, с одной стороны, эта сумма важна как ресурс государства, а с другой, что она ничто для моего будущего вместе с моими детьми? Вы также утверждаете, что у меня её отнимут, и что находите это бесплодным разбрасыванием? Наконец, Вы утверждаете, что этой суммы, на которую я хочу купить маленькое имение в Малороссии, хватит на два?»⁴¹ Отвечая на эти возражения, Вера Гавриловна пустила в ход свой главный козырь: в 1859 г. она истратила 12 500 руб., ровно половину от необходимой суммы. Кроме того, если она не получит землю, ей придётся просить императора о пожизненной ренте, которая будет более обременительной для казны. В качестве гарантии, что деньги не будут попусту растрочены, она предлагала В.А. Долгорукову самому хранить их на своём депозите до дня покупки. В действительности этот ход был жизненно важен для самой просительницы: только так она могла защитить полученные деньги от кредиторов. Более того, имение, предназначавшееся для Веры Гавриловны с дочерьми, предполагалось купить не на её имя, а на имя невестки, неаполитанской подданной Луизы Вулкано, жены её старшего сына Михаила⁴². 19 октября 1862 г. министр финансов М.Х. Рейтерн сообщил В.А. Долгорукову, что импера-

³⁸ Там же, л. 16 об., 18 об.

³⁹ Там же, л. 32.

⁴⁰ Там же, л. 16.

⁴¹ Там же, л. 15.

⁴² Там же, л. 32.

тор приказал отпустить 12 тыс. руб. «для употребления на объяснённый Вами... предмет». Пять дней спустя Вере Гавриловне была передана тысяча рублей для решения самых насущных проблем, а остальные деньги переведены двумя траншами в марте и августе 1863 г., когда ей удалось договориться о покупке имения Драбовцы в Золотоношском уезде Полтавской губ.⁴³

Почему не хлопотал о семейном благополучии отец обременённого долгами семейства? Биограф Екатерины Долгоруковой А. Тарсаидзе объяснял всё особенностями характера самой Веры Гавриловны, «энергией, соединённой с типично украинской решительностью», а заодно «слабостью» князя Михаила⁴⁴. В действительности не следует забывать об особенностях «жанра» верноподданнической просьбы. На Высочайшую милость, по обыкновению, могли претендовать старики, калеки, вдовы и сироты. Ни к одной из этих категорий отставной ротмистр, которому в разгар событий было 46 лет (всего на два года старше самого Александра), очевидно, не относился. В письмах Вера Гавриловна не упоминает мужа ни разу: «Возможно ли, дойдя до такого края, женщине, матери, отступить перед препятствиями?»⁴⁵ При этом и хлопотала она о благополучии не всего семейства, в том числе несовершеннолетних сыновей, но только о своих «бедных дочерях». Мужчины должны содержать себя сами и служить отечеству, не беспокоя милосердного монарха.

«Высочайшая милость» существовала внутри сложного бюрократического механизма, заложниками которого были и просители, и в какой-то мере сам самодержавный монарх. Первым на пути к милостям трона необходимо было запастись изрядным терпением, знанием правил игры, а в идеале — покровительством высоких лиц и любим, даже мимолётным соприкосновением с государем. Александра II и сановников, ведавших «царской милостью», останавливало в оказании помощи не столько отсутствие нужных сумм в том или ином «кошельке», сколько опасения, что отданное распоряжение придёт в противоречие с существующими законами или создаст ненужный прецедент. Именно поэтому пособия монарх выплачивал «негласно», а решения принимал после консультации с соответствующими министрами и «не в пример другим», что, впрочем, не спасало его от новых притязаний.

В этом контексте хлопоты В.Г. Долгоруковой по сохранению семейного состояния достойны изучения вне связи с последующим романом её дочери с Александром II. Накануне отмены крепостного права, задолжав казне, Долгоруковы пытались добиться послаблений, но даже личное расположение Александра II не позволило им обойти действующие законодательные нормы. В 1857 г. монарх вынужден был «поступить по закону» вопреки желанию помочь. Единственным следствием его личного визита в Тепловку было устройство юных княжон в Смольный. Вере Гавриловне понадобилась по крайней мере ещё одна встреча с Александром II⁴⁶ и множество визитов к высокопоставленным родственникам и знакомым, чтобы добиться помощи. Царская милость была оказана Долгоруковым в «строжайшем секрете», переговоры велись лично шефом жандармов и министром финансов, деньги получались через управляющего, а собственность оформлялась на невестку. Эти тайные распоряжения через самых доверенных лиц резко контрастируют с убеждением просителей в безграничной милости и всемогуществе самодержца.

⁴³ Там же, 22, 52.

⁴⁴ *Tarsaidze A.* Op. cit. P. 88.

⁴⁵ ГА РФ, ф. 109, оп. 91, 1861, 2 экспедиция, д. 306, л. 18.

⁴⁶ РГАЛИ, ф. 46, оп. 2, д. 145, л. 1.